

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 316.3(470)
ББК 60.52(2Рос)
© Афанасьев Д.В.

О роли и месте общественных палат в контексте концепций гражданского общества и социального капитала

В статье сделан обзор концептуальных основ теорий гражданского общества и социального капитала. Дан анализ взглядов Р. Патнэма — одного из наиболее авторитетных современных теоретиков гражданского общества. Выдвинута гипотеза о возможном позитивном влиянии государства на становление гражданского общества посредством специальных фасилитирующих процедур. Рассмотрена деятельность общественной палаты Вологодской области как пример становления особой практики — кооперативной конфронтации, служащей как реализации интересов развивающегося гражданского общества во взаимодействии с властью, так и формированию конструктивной гражданской культуры.

Государство, социальный капитал, гражданское общество, общественные палаты, взаимодействие власти и общественных организаций.

**Дмитрий Владимирович
АФАНАСЬЕВ**

кандидат социологических наук, ректор Череповецкого государственного университета, зам. председателя Общественной палаты Вологодской области
rector@chsu.ru

Понятия гражданского общества и социального капитала занимают особые позиции в попытках описать и определить неформальные и зачастую нематериальные социальные структуры и взаимосвязи, которые могут помочь закрепить демократические практики.

Термин «гражданское общество», хотя и насыщен весьма различными значениями, имеет глубокие исторические корни. Примененный Н. Макиавелли в эпоху Ренессанса для обозначения прав гражданина, он приобрел свое общепринятое современное значение почти два столетия

назад, когда де Токвиль отметил положительную связь между активностью граждан и демократией.

В то время как гражданское общество является относительно хорошо разработанной концепцией, хотя и допускающей широкий спектр различных толкований, социальный капитал является более недавним дополнением к социологическому дискурсу, первоначально разработанным, в частности, радикальным французским теоретиком Пьером Бурдьё [1, 2] и американским социологом Джеймсом С. Коулменом [3].

Социальный капитал представляет собой сложную концепцию, охватывающую несколько измерений: социологический (тот же Коулмен), экономический (например, Ф. Фукуяма [4]) и политический аспекты (например, Р. Патнэм [5]), групповой и индивидуальный, а также микро- и макроуровни. Нам уже удалось показать, что корнями эта, несомненно, многоаспектная концепция уходит в теорию капитала К. Маркса, теорию солидарности Э. Дюркгейма и в существенной мере в политическую теорию демократии А. де Токвиля [6].

В своей классической работе «Демократия в Америке» (1835) де Токвиль исследовал характерное для американцев стремление объединяться ради удовлетворения общих потребностей и общих интересов. Посетив Америку, он был поражен активностью ее граждан, которые «беспреданно объединяются в разные союзы. Это не только объединения коммерческого или производственного характера, в которых они все без исключения участвуют, но и тысяча других разновидностей: религиозно-нравственные общества, объединения серьезные и пустяковые, общедоступные и замкнутые, многолюдные и насчитывающие всего несколько человек» [7]. Деятельность в этих ассоциациях более или менее естественно вела к участию в политической жизни.

По большей части современное использование термина «социальный капитал» узнаваемо «токивилевское» по своему вдохновению. Американский политолог Роберт Патнэм является наиболее известным современным последователем французского автора и одновременно одним из самых влиятельных современных теоретиков гражданского общества и его продукта — социального капитала. Как и де Токвиль, Патнэм (1993) исследовал связь между участием в ассоциациях и демократией. Патнэм определяет гражданское обще-

ство просто как социальное пространство, расположенное между личностью и государством [8]. Оно включает в самом элементарном смысле семью, но распространяется на почти бесконечное число более или менее хорошо организованных объединений. Это ассоциации в диапазоне от совершенно неформальных, таких как лиги боулинга, до давних и глубоко организованных, таких как церкви и профсоюзы.

Он утверждал, что такие общественные объединения и уровень участия индицируют степень социального капитала в обществе. Такие ассоциации и участие развивают и укрепляют коллективные нормы и доверие, которые играют центральную роль в создании и поддержании коллективного благополучия и благосостояния. Патнэм полагал, что качество общественной жизни и эффективность социальных институтов (и не только в Америке) действительно находится под мощным влиянием норм и сетей гражданской активности. Из своего эмпирического исследования Патнэм делал вывод, что социальное доверие, нормы взаимодействия, сети гражданской вовлеченности и успешного сотрудничества — все то, что он называет «социальным капиталом», — являются ключевым фактором для того, чтобы сделать демократию работающей и стимулировать также экономическое процветание. Общества, которые имеют высокий уровень гражданского участия и, в частности, плотную сеть различных способов вовлеченности в гражданское общество, являются более успешными. У них лучшие школы, более быстрое экономическое развитие, более низкий уровень преступности и более эффективное правительство. Для Патнэма социальный капитал является важнейшим элементом любого успешного общества.

Он присущ как индивидам, так и обществам, то есть имеет как индивидуальное, так и коллективное лицо. Он может быть как частным, так и общественным благом и

может быть конкретным или обобщенным. Другими словами, люди могут делать что-то для других либо из-за конкретного чувства долга, или, более общо, потому что они чувствуют родство с определенной группой в обществе (или даже с обществом в целом).

Социальный капитал состоит из трех составляющих элементов. Это социальные сети, моральные нормы и обязательства и социальные ценности. Социальные сети включают в себя неформальные и формальные сети и ассоциации, из которых добровольные общественные объединения являются наиболее эффективными в создании «горизонтальных взаимодействий и взаимности», которые лежат в основе социального капитала [9].

Ряд радикальных ученых критикуют трактовку социального капитала Патнэмом как отход от классического токвилевского понимания функций гражданского общества. Так, Ф. Олфорд считает, что, по Токвилю, добровольные объединения служат трем целям: 1) постоянного сопротивления государству; 2) «заменителя» правительства и 3) высвобождения от частной жизни. Первые две цели рассматривают ассоциации в качестве альтернативного центра власти, как источник власти, не формируемый и не обрамляемый государственными институтами и целями. Первые два смысла объединений в работах Патнэма в значительной степени отсутствуют. Только третий вклад ассоциаций, упомянутый Токвилем, занимает в анализе Патнэма много места: гражданское общество является противоядием от анонии, распада норм, которая поражает современное общество [10].

Критика Патнэма также строится вокруг «деполитизации» социального капитала, вывода его за рамки политической жизни. Высказывание Патнэма гласит: «Социальный капитал ...тесно связан с политическим участием в традиционном смысле, но эти термины не являются сино-

нимами. Участие в политической жизни относится к нашим отношениям с политическими институтами. Социальный капитал относится к нашим отношениям друг с другом» [11].

Логически это рассуждение не вызывает возражений, но эмпирически социальный капитал часто выступает как важнейший политический ресурс. Социальный капитал, как инвестиции в социальные отношения с ожидаемым возвратом на «рынке», вообще может быть определен как ресурсы, встроенные в социальные структуры, которые доступны и/или мобилизуются в целенаправленных действиях, в частности политических. Подчеркнем, что социальный капитал распределен в обществе неравным образом и является важным ресурсом в политической борьбе. Он укоренен в исторических дискурсах и движениях и может быть оживлен и конвертирован в новых социально-политических контекстах.

Очень часто теория социального капитала рассматривается как нормативная теория демократического общества. Наличие социального капитала в ней трактуется исключительно в позитивном смысле: он способствует обогащению информационных потоков между людьми, формированию толерантного отношения к людям, межличностному и нормативному доверию, без которого невозможны ни коллективная жизнь, ни экономическая кооперация, ни жизнеспособная демократия. В своих ранних работах Патнэм поддерживал и даже расширял заложенную Дж. Колманом тенденцию рассматривать социальный капитал просто как социальное благо. Но после 2001 года он подчеркивает, что социальный капитал как ресурс может использоваться в различных целях — как просоциальных, так и антисоциальных. С этой точки зрения особое значение имеет данная Патнэмом и дополненная впоследствии концепция различных видов соци-

ального капитала – «bonding» и «bridging», или, в интерпретации Л. Полищука и Р. Меняшева [12], закрытый и открытый социальный капитал.

«Закрытый» (bonding или «привязывающий», «обязывающий», «охватывающий», «склеивающий» – перевод не устоялся) социальный капитал соотносится со связями между «равными» членами сообщества, образующими замкнутые группы, которые могут преследовать цели, противоречащие интересам общества.

«Открытый» (bridging или «связывающий», «преодолевающий») социальный капитал – связи поверх социальных расколов, между различными группами, социальные сети, состоящие из неоднородных (гетерогенных) групп. Открытый социальный капитал служит своеобразным «мостом» между людьми, принадлежащими к различным группам. Наиболее эффективным способом создания открытого капитала, по Патнэму, является участие в добровольных объединениях.

Общества, основанные на открытых, децентрализованных, горизонтально структурированных усилиях общественных объединений, таких, которые Патнэм изучал в северной Италии, имеют больше социального капитала и, таким образом, более успешны, чем те, которые основаны на закрытых, вертикальных, иерархических структурах, которые он нашел в южной Италии. Эта последняя гипотеза лежит в основе стратегии, направленной на укрепление организаций гражданского общества и, таким образом, на дополнение и замену вертикальных социальных связей горизонтальными.

Его комментарий 1993 года, что «без норм взаимности и сетей гражданского участия гоббсовский исход... аморальная семейственность, клиентелизм, беззаконие, неэффективное управление и экономическая стагнация кажутся более вероятными, чем успешная демократизация и

экономическое развитие. Палермо может представлять будущее Москвы», – является аллюзией на иерархический характер и южно-итальянского, и постсоветского обществ. И Патнэм обращает внимание на трудности построения гражданского общества там, где его не существует: «Местные организации, имплантированные извне, имеют высокий уровень провалов. Наиболее успешные местные организации представляют коренные партисипаторные инициативы в относительно сплоченных местных сообществах» [13].

Различение двух типов капитала и определение их воздействия на предпосылки экономического роста регионов было положено в основу исследования «Социальный капитал и развитие российских городов», проведенного Научно-учебной лабораторией прикладного анализа институтов и социального капитала НИУ ВШЭ под руководством Л.И. Полищука. Проведенный Л.И. Полищуком и Р.И. Меняшевым анализ позволил выделить два основных фактора, которые могут быть использованы для измерения социального капитала. Первый фактор связан с характеристиками общественной солидарности, согласия, готовности к объединению и чувства ответственности за положение дел в городе. Первый фактор, таким образом, характеризует способность к образованию широких общественных коалиций. Принципиальное значение имеет не только количество, но и качество социального капитала: преобладающая склонность к образованию малых групп для поиска частных решений вредит развитию, тогда как гражданская культура и готовность к образованию широких общественных коалиций позитивно отражаются на состоянии экономики и социальной сферы. Была выявлена значимая положительная связь между эффективностью городских администраций и положением дел в городах с открытым социальным капиталом и

гражданской культурой и отрицательная – с закрытым гражданским капиталом. По мнению исследователей, в России существуют значительные запасы современного социального капитала, которые весьма неравномерно распределены между городами и регионами страны.

Гражданским «лидером» по результатам исследования оказался г. Череповец – здесь наиболее высок уровень открытого социального капитала, развита гражданская культура и не столь выражены закрытые сети. Запасы социального капитала высоки в портах Северо-Запада – Мурманске и Архангельске, довольно высок его уровень в Томске и ряде других городов. В нижней части такого рейтинга оказываются Краснодар, Саратов и Магнитогорск; Москва находится в его средней части. Исследователи оговорились, что их данные требуют уточнения и подтверждения из других источников [14].

Л.И. Полищук в четких выводах фиксирует задачу, вытекающую из высокого значения социального капитала для развития: «С конца 90-х годов, когда выяснилось, что социальный капитал – это важный ресурс развития, правительства в различных странах мира озаботились его состоянием и динамикой. Катализировать извне этот процесс невозможно. Все (или почти все) в этом мире импортируется и заимствуется: новые технологии, специалисты, инвестиции... Социальный капитал – это исключительно «местный» продукт. Следует лишь создавать благоприятные условия для его воспроизводства и накопления, поддерживая систему образования (в том числе и за государственный счет), открывая возможности для общественных инициатив и самоорганизации в бизнесе и повседневной жизни граждан» [там же]. Осталось поставить вопрос: каким образом и какими инструментами могут создаваться условия для накопления социального капитала.

Развитость сетей гражданского общества и уровень социального капитала на региональном уровне стала предметом еще одного масштабного проекта последних лет. Материалы для обобщения были собраны в 2007 году в ходе уникального массового опроса по технологии «Георейтинга», проведенного Фондом «Общественное мнение» по анкете, разработанной в НИУ ВШЭ. Опросы были проведены в 68 субъектах РФ среди населения в возрасте от 18 лет и старше. Размер выборки в каждом субъекте РФ составил 500 респондентов, по России – 34 тыс. респондентов.

Исследователи исходили из того, что развитие гражданского общества в российских регионах происходит неравномерно. С одной стороны, содействие развитию институтов гражданского общества не во всех регионах является одним из направлений региональной и муниципальной политики. С другой стороны, социальный и человеческий капиталы сами по себе неоднородны, на их развитие влияет множество предпосылок формирования гражданского общества, лежащих как в плоскости индивидуального субъекта, так и в социальной, политической, экономической и других плоскостях.

На основе концепций гражданского общества и социального капитала исследователями была предложена система индикаторов и выработана классификация российских регионов с точки зрения благоприятности предпосылок для развития гражданского общества. Все регионы по развитости предпосылок для гражданского общества были разбиты на 6 групп.

- 1) очень неблагоприятные (в этой группе находятся 3 субъекта РФ);
- 2) неблагоприятные (18 субъектов РФ);
- 3) скорее неблагоприятные, чем благоприятные (19 субъектов РФ);
- 4) скорее благоприятные, чем неблагоприятные (19 субъектов РФ);

- 5) благоприятные (6 субъектов РФ);
- 6) очень благоприятные (3 субъекта РФ).

В шестую группу, где предпосылки развития гражданского общества определяются как «очень благоприятные», согласно данным исследования, входят лишь 3 субъекта РФ: Архангельская, Вологодская и Челябинская области. Высокий уровень социального капитала Вологодской области подтверждает выводы ранее упомянутого исследования Л.И. Полищука.

Ирина Мерсиянова, подводя итоги данного исследования региональной специфики социального капитала, делает важное для нашей темы обобщение: «Очевидно, что в нашей стране необходимы специальные усилия по укреплению социальной базы гражданского общества, которую составляют люди, участвующие в социальных практиках гражданского общества. Это должен быть конгломерат заинтересованных сторон – негосударственные некоммерческие организации, средства массовой информации, вузы, а также органы власти всех уровней, от которых зависит создание институциональных условий для развития гражданских инициатив, самореализации граждан в сфере гражданской активности» [15]. Таким образом, исследователь также включает органы власти в перечень сторон, с необходимостью заинтересованных в развитии гражданского общества.

Здесь мы должны вернуться к критикам Р. Патнэма, указывавшим на то, что он проигнорировал выявленную Токвилем функцию гражданского общества – быть формой сопротивления государству, способом самоорганизации против государства. Не имея возможности представить здесь подробный разбор этой критики, ограничимся лишь рядом суждений: во-первых, Токвиль не абсолютизировал данную функцию, а зафиксировал тот эмпирический факт,

что становление политической системы Соединенных Штатов протекало в атмосфере массовой религиозной экзальтации, широко разлитого и институционализированного недоверия государству, политической власти вообще, выражением чего и стала знаменитая система сдержек и противовесов – разделения властей, с одной стороны, и сеть добровольных ассоциаций – с другой. Во-вторых, Патнэм сконцентрировал свое внимание на том, что ему казалось наиболее важным – упадке в США доверия и гражданского чувства, снижении активности участия американцев в добровольных объединениях, что представлялось ему тенденцией крайне опасного характера, поскольку угрожало основам не только общества, но политической системы. Патнэмский анализ отличается несомненной страновой спецификой, на что резонно указали многочисленные последователи, пытавшиеся применить его концепцию к странам и политическим системам за пределами США и обнаруживавшие в своих странах иные, чем в США, тенденции в развитии социального капитала.

Таким образом, дискуссия об отношениях гражданского общества и государства применительно к России разворачивается с иным фокусом и в ином культурно-политическом контексте. Что, кстати, иллюстрируют вышеприведенные цитаты из текстов исследователей, которых невозможно упрекнуть в верноподданническом настрое или идеализации современного российского государства: развитие гражданского общества в России невозможно через лобовое конфронтационное противопоставление его государству и вопреки государству. Мы должны рассмотреть в этой связи предположение о том, что функционирование политических институтов может оказывать фасилитирующее влияние на развитие коллективного социального капитала и на показатели социальной сплоченности общества.

Конечно, ответ на вопрос: могут ли, и если да, то в какой мере, государство, политические институты позитивно содействовать развитию социального капитала и гражданского общества, предстоит еще дать на основе сравнительных межрегиональных и межстрановых исследований. Но можно высказать среди многих возможных одну предварительную гипотезу для такого исследования: систематическое подключение общественности к решению важных политических и иных проблем, политика не выталкивания, а, наоборот, «втаскивания» общественных групп и добровольных объединений в реальный процесс принятия политических решений на различных уровнях власти содействует формированию культуры доверия, дефицит которой постоянно подтверждают социологические исследования. Выскажем предположение, также осторожное, что одним из инструментов такого «втаскивания» общественности в обсуждение политических вопросов являются общественные палаты – как общероссийского, так и регионального уровней.

Создание и деятельность общественных палат, действующих на федеральном (с 2005 года) и на региональном уровне, не стали еще предметом систематических научных исследований, хотя интересные данные собраны и содержательно обобщены в ряде публикаций и диссертаций.

В научной и экспертной среде отсутствует консенсус по поводу места и влияния данного института в политической и общественной сфере. Оценки роли региональных общественных палат в системе политического управления и становлении гражданского общества регионов неоднозначны, если не сказать полярны. Широко отмечаются проблемы, просчеты и недостатки в их деятельности.

Если обобщить негативные оценки, даваемые общественным палатам и их дея-

тельности критиками, то можно их свести к следующим. Это «палата пэров», назначаемая на 2/3 властью, а в остальном состоящая из политически лояльных власти представителей общественных организаций или медийных звезд, лишенных умений кропотливой командной работы на благо общества. Это суррогатное представительство при достаточно абстрактных полномочиях, имитация, витрина авторитаризма, не стоящая ни общественного внимания, ни затраченных ресурсов.

Это видение, которое легко обнаружить в интернет-дискуссиях, столь же безотрадное, сколь и ложное как по своим предпосылкам, так и по содержащимся в нем суждениям.

Конечно, Общественная палата – совещательный, а не законодательный и тем более не исполнительный орган. Дублирование парламента (да еще к тому же неэффективного парламента), действительно, было бы пустой тратой ресурсов. Таким образом, ни по формальному статусу, ни по сути деятельности палата не является политической организацией. По исходным установкам в отношении власти палата – системная оппозиция, но вместе с тем это неполитический инструмент, она не формирует власть, не отправляет власть, но пытается воздействовать на власть. Это неполитическая оппозиция, поскольку в полном соответствии с концепцией Токвиля она не может не критиковать власть и государство, не может не задавать власти неприятные вопросы, не может не ставить перед ней острые проблемы.

Но Общественная палата, опять же в силу связанности с конкретными общественными интересами и тысячами участников различных объединений через своих членов, не может быть безответственной и неконструктивной оппозицией. Ведь только отстоя от власти и одновременно адресуясь к ней, она может стать инстан-

цией, которая заставляет прислушиваться к себе различные ветви власти, агрегируя интересы и взгляды гражданского общества, добиваясь учета и удовлетворения его интересов. Такая неоднозначность статуса – «кооперативная оппозиция» – часто и делает ее оценку проблематичной.

Рассмотрим эту двойственность функционирования палаты на двух конкретных примерах, связанных с совсем недавними случаями неконфронтационного противостояния между Общественной палатой Вологодской области и Правительством области.

Пример первый. Будучи на протяжении многих докризисных лет донором федерального бюджета, регионом с профицитным бюджетом, Вологодская область после кризиса превратилась в регион-должник со стремительно нарастающим объемом государственного долга (таблица). По состоянию на конец 2009 г. дефицит бюджета наблюдался в 58 субъектах РФ, при этом в 12 регионах он составлял более 10% расходов бюджета (за вычетом субвенций). Максимальный процент дефицита консолидированного бюджета имелся в Вологодской области. В 2010 – 2012 годах ситуация продолжала ухудшаться.

Заняв по объемам долга в 2012 г. шестое место в РФ, Вологодская область стала на грань объявления дефолта и введения федеральными властями внешнего финансового управления. Губернатор и Правительство области разработали меры по

оптимизации бюджета и созданию программы преодоления бюджетного кризиса в Вологодской области. Это болезненный, жесткий план экономии по всем сферам предусматривал в том числе отмену ряда проектов капитального строительства, пересмотр областных целевых программ, масштабное сокращение государственного аппарата, свертывание социальных льгот и т.д. После широкого общественного обсуждения предлагаемых уменьшений социальных выплат, консультаций с Общественной палатой Вологодской области программа была скорректирована в сторону существенного смягчения. Вместе с тем Общественная палата поддержала в целом Программу и заложенные в ней меры как необходимый путь к оздоровлению экономики региона.

Выступив квалифицированным посредником между гражданским обществом и властью наряду с другими институтами, Общественная палата не допустила неконструктивной политизации весьма острой и неотложной проблемы, но и не позволила решить проблемы государственного управления, полностью переложив их на плечи населения, особенно его низкодоходных и социально ущемленных групп.

Пример второй. В соответствии со своими полномочиями Общественная палата Вологодской области подготовила анализ проекта закона области «Об областном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов».

Динамика государственного долга Вологодской области в 2008 – 2012 гг.

Субъект РФ	01.01.2009 г.		01.01.2010 г.		01.01.2011 г.		01.01.2012 г.		01.09.2012 г.		
	Млрд. руб.	%*	Млрд. руб.	%*	Млрд. руб.	%*	Млрд. руб.	%*	Млрд. руб.	%*	В % к 01.01.12.
Вологодская область	1,8	3,8	11,0	39,4	19,0	52,8	26,9	67,0	27,3	98,2	101,3
Для сравнения: Российская Федерация	599,6	12,2	1024,5	24,1	1265,8	25,4	1387,3	23,8	1332,8	31,8	96,1

* Государственный долг в процентах к объему налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета.
Источники: данные Министерства финансов РФ; Казначейства России; ИСЭРТ РАН.

16 ноября 2012 года состоялось заседание Общественной палаты по вопросу социально-экономического развития Вологодской области и проекту закона области «Об областном бюджете на 2013 год и плановый период на 2014 и 2015 гг.». Палатой было принято Заключение по проекту закона о бюджете, где, в частности, сказано: «Общественная палата Вологодской области считает невозможным поддержать проект закона области «Об областном бюджете на 2013 год и плановый период 2014 и 2015 годов», поскольку он не соответствует целям социально-экономического развития страны и регионов, заявленным в предвыборных программных статьях Президента РФ В.В. Путина и его указах от 7 мая 2012 г., направленных на повышение качества жизни населения регионов за счёт развития экономики, рост эффективности государственного управления, сокращение чрезмерного социального неравенства и обеспечение социальной справедливости» [16]. Среди прочего было отмечено, что в проекте областного бюджета не учтены имеющиеся резервы увеличения доходов. Критическая позиция палаты была доведена до Правительства и Законодательного Собрания области, сообщена прессе, стала достоянием общественного мнения.

В конце ноября депутаты Законодательного Собрания и Правительство области приняли решение отправить проект бюджета на доработку с целью найти средства для повышения зарплат учителям и воспитателям, а также уточнить доходы областной казны. Наконец, 12 декабря 2012 г. областное Законодательное Собрание сразу в двух чтениях приняло бюджет области на 2013 г. Было решено, что дополнительные поступления средств в областную казну будут направляться на поэтапное повышение зарплат работников культуры, соцобеспечения, профобразования и медицины. Очевидно, что голос Общественной

палаты в хоре критиков проекта бюджета прозвучал достаточно весомо и авторитетно.

Насколько эти кейсы показательны?

Конечно, чтобы делать масштабные обобщения, одного или двух случаев недостаточно. Требуется широкое исследование реальной роли региональных общественных палат, чтобы можно было сделать вывод об их существенном значении для политического процесса и для повышения влияния и компетентности гражданского общества. Но тут как раз именно тот случай, когда, как на удачном фотоснимке, проявляются характерные черты объекта съемки.

Политическому решению проблем всегда предшествует очень важный период, когда значимый вопрос общественной жизни, некая общественная проблема, которая уже назрела, но до сих пор не попала в фокус внимания общества, должна захватить сознание людей и сформировать общественное мнение. Собственно, механизм, который реализует этот процесс, и является сеть гражданского общества, элементом которой, в свою очередь, являются общественные палаты. Они вполне способны быть системами раннего предупреждения о наличии острых вопросов экономики, экологии, прав человека и др., они привлекают внимание политиков, чиновников, журналистов, они делают эти вопросы предметом публичной дискуссии. Именно на такой основе, в таком контексте и делается политика. И тут две стороны одной медали — где, с одной стороны, власть и политическая жизнь, а с другой — структуры и сети гражданского общества, в частности Общественная палата. И как политика не может жить без гражданских структур, которые вопросы поднимают, так и структуры гражданского общества не могут существовать без политики, в которой их вопросы будут решаться.

В условиях болезненных реформ, когда, действуя во благо «пациента», власть этого пациента не слышит, наиболее очевидным последствием такого манипулирования будет отчуждение людей от власти. Общественная палата должна свою работу сделать для того, чтобы в реформах слышали людей.

Может ли один, отдельно взятый институт, такой, как Общественная палата, адекватно и полно представить интересы гражданского общества? Очевидно, нет. Гражданское общество по его природе многоканально, многонаправленно и хаотично. По этой причине выражение его интересов обязательно происходит через множество институтов. Но будучи очень важным узлом в сети гражданского общества, ставя от его имени острые вопросы и добиваясь их решения властью, палата, несомненно, реанимирует веру граждан в

способность быть услышанными. То самое доверие, которое согласно современным концепциям, и является «валютой» на рынке социального капитала.

Процесс демократизации в России идет более сложно и гораздо медленнее, чем прогнозировали многие аналитики. Теоретики гражданского общества и социального капитала подсказывают правдоподобное тому объяснение. Но этот процесс, несомненно, идет, и два наших примера, по-видимому, подтверждают такую точку зрения. Демократия основывается на свободном выражении различных точек зрения и интересов, а на севере России, в Вологодской области, постепенно формируется структура независимых как горизонтальных, так и вертикально интегрированных организаций, которые способствуют такому свободному выражению.

Литература

1. Bourdieu, P. The Forms of Capital. P. 241-58 // Richardson J. G. (ed.) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education, Greenwood Press. N.Y., 1986.
2. Bourdieu, P., Wacquant, L. An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
3. Coleman, J.S. Foundations of Social Theory, Belknap Press. Cambridge MA. 1994.
4. Fukuyama, F. Social Capital, Civil Society and Development. Third World Quarterly, 2001. 22, 1, P. 7-20.
5. Putnam, R.D. Making Democracy Work: Civic traditions in modern Italy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.
6. Афанасьев, Д.В. Социальный капитал: концептуальные истоки и политическое измерение / Д.В. Афанасьев // Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и изменения. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, г. Череповец, 16–17 октября 2012 г.: в 2 ч. Ч. — Череповец: ЧГУ, 2012.
7. Токвиль, А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль. — М.: Прогресс, 1992. — С. 378.
8. Putnam, R. D. Bowling Alone: America's declining social capital. Journal of Democracy 6:1, Jan 1995. P. 65-78.
9. Bowling Alone: The collapse and revival of American community [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://bowlingalone.com/?page_id=13
10. Alford F. C. *Civil Society and its Discontents* // The Good Society 12.1 (2003). P. 11-16.
11. Putnam, R.D. Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America // Political Science and Politics, Vol. 28, No. 4 (Dec., 1995. P. 665.
12. Полищук, Л. Экономическое значение социального капитала / Л. Полищук, Р. Меняшев // Вопросы экономики. — 2012. — № 12. — С. 52.
13. Putnam, R.D. Making democracy work... P. 91.
14. Полищук, Л. То, что нельзя купить [Электронный ресурс] / Л. Полищук // Бизнес-журнал. — 2011. — № 4. — Режим доступа: <http://offline.business-magazine.ru/2011/181/337142>
15. Мерсиянова, И.В. Российское гражданское общество в региональном измерении / И.В. Мерсиянова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2009. — № 4 (92). — С. 44.
16. Заключение Общественной палаты Вологодской области по проекту закона области «Об областном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.op35.ru/?module=Articles&action=view&aid=413>